

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ОБРУЧЕВ

**В НЕИЗВЕДАЕМЫЕ
КРАЯ**

Сергей Обручев

В неизведанные края

«ФТМ»

Обручев С. В.

В неизведанные края / С. В. Обручев — «ФТМ»,

Книга выдающегося исследователя Северо-Восточной Сибири С. В. Обручева (сына знаменитого путешественника, ученого и писателя-фантаста В. А. Обручева) посвящена его трем большим экспедициям на север Азии, происходившим соответственно в 1926, 1928-1930 и 1934-1935 годах. В результате этих экспедиций были открыты хребет Черского и Юкагирское плато, нанесены на карту Колыма с притоками и многие другие реки края, исследована Чукотка.

© Обручев С. В.

© ФТМ

Содержание

Открытие хребта Черского	6
Задачи экспедиции	6
От Якутска до Алдана	9
Через Верхоянский хребет	15
В ветке по Индигирке	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Владимирович Обручев В неизведанные края

Открытие хребта Черского

Задачи экспедиции

Если вы взглянете на карту Сибири, то увидите, что к востоку от Лены простирается обширная горная страна, тянущаяся на 3 тысячи километров до Берингова пролива. Область эта орошается тремя большими реками: Яной, Индигиркой и Колымой, достигающими от 1500 до 2 тысяч километров длины. К 1926 году более или менее точно были нанесены на карту Яна и низовья Колымы, а ее верховья и Индигирка были совершенно не исследованы.

Отгороженный от всего мира каменной стеной Верхоянско-Колымский край кроме обычных для северной Сибири болот и лесов славится своим холодом. Метеорологическая станция в Верхоянске давала самые низкие в мире температуры, доходившие в некоторые годы почти до 68°С.

Естественно, что население края тогда было чрезвычайно редким – всего не более 15 тысяч человек; самые крупные поселения, «города» Верхоянск и Средне-Колымск¹, имели по 500 жителей, а на остальном пространстве приходился один человек примерно на 100 квадратных километров.

Насколько недоступен этот край, показывало незначительное количество экспедиций, побывавших в нем до нас. Со времени первого исследователя Якутии И. Гмелина прошло почти двести лет, а еще остались огромные площади, равные Франции или Германии, не пересеченные ни одним маршрутом. Большинство экспедиций направлялось от Якутска на север, в Верхоянск, а затем на восток Колымским трактом (собственно говоря, тропой), некоторые экспедиции исследовали морское побережье.

Район к югу от Колымского тракта был не только наименее исследованной областью во всем СССР, но и одним из наименее изученных уголков мира. Сюда и удалось пройти нашей экспедиции в 1926 году. До нас здесь, правда, было несколько путешественников, но все они прошли по одному и тому же маршруту, пересекающему область наискось, с юго-запада на северо-восток, к Верхне-Колымску.

Первый из них, флота капитан Гаврила Сарычев, состоявший при морской экспедиции Биллингса, 22 января 1786 года выехал из Якутска и, направляясь на восток верхом, пересек Верхоянский хребет и вышел к верховьям Индигирки, которая здесь, как он сообщал, называлась Омеконь. Отсюда Сарычев проехал на оленях в Охотск. Только в августе вернулся он обратно к верховьям Индигирки уже верхом на лошадях и поехал на северо-восток, в Верхне-Колымск. Сарычев перешел через высокие горные хребты, переправился через мощные притоки Индигирки – реки Неру и Мому. На Колыме он руководил постройкой морских судов, на которых экспедиция должна была изучать моря, окружающие северо-восток Азии. Всего Сарычев провел в этой экспедиции восемь лет – с 1785 по 1793 год.

Сарычев – один из выдающихся русских мореплавателей, и его исследования на северо-востоке России, так же как и позднейшие работы других ученых-путешественников, дали замечательные материалы для познания морей и морских побережий. В изучении Колымско-Индигирского края он был пионером и смело прошел по путям, до того неизведанным.

Но описания Сарычева слишком кратки, касаются только самого маршрута и быта местных жителей. Поэтому из его книги нельзя получить ясного представления о рельефе и направлении горных хребтов. Приложенная к книге карта изученной страны мелкого масштаба,

---

¹ Географические названия в тексте даются в старом написании. – *Прим. ред.*

очень схематична и также не дает ясного представления о расположении хребтов. Поэтому мы должны расценивать путешествие Сарычева лишь как первое, рекогносцировочное, для ознакомления со страной, до того абсолютно неизвестной.

По-видимому, тем же путем, что и Сарычев, в 1823 году проехали с Колымы через Оймякон в Якутск спутники Федора Врангеля, мичман Матюшкин и доктор Кибер, но в опубликованных трудах экспедиции нет не только описаний их пути, но даже указания на то, какого маршрута они придерживались. Экспедиция Врангеля и Матюшкина, как известно, имела целью изучение полярного побережья и арктических островов. Матюшкин только определил широту и – очень грубо – долготу Оймякона.

В 1870 году приблизительно тем же маршрутом возвращались участники экспедиции Майделя – топограф Афанасьев и астроном Нейман. От Верхне-Колымска они прошли на юго-запад сначала около 300 километров несколько более южным путем, чем Сарычев, а далее ехали по тропе, близкой к маршруту Сарычева. Съемка, которую вначале вел Афанасьев, была вскоре прекращена, а описание пути не велось: путешественники были утомлены двухлетней работой на Чукотке.

Наконец, в 1891 году известный геолог и географ И. Черский был командирован Академией наук на три года для исследований в области рек Колымы, Индигирки и Яны. В июне 1891 года он выехал с женой (зоолог экспедиции) и двенадцатилетним сыном из Якутска на сорока четырех лошадях. Верхоянский хребет был пересечен их караваном несколько южнее маршрута Сарычева по летней дороге, огибающей реку Хандыгу с юга, по ее притокам. Черский перешел Индигирку в верховьях, в Оймяконе, и далее следовал на северо-восток, опять-таки несколько более южным путем, чем Сарычев. Он вышел на его тропу уже в верховьях Момы. В Верхне-Колымск Черский пришел 28 августа и зимовал здесь. Весной 1892 года экспедиция поплыла вниз по Колыме, но Черский уже зимой тяжело захворал; во время плаванья состояние его ухудшилось, и 25 июня (старого стиля) он скончался, не доехав до Нижне-Колымска. Жена путешественника довела исследования Колымы до Нижне-Колымска и потом вернулась вместе с сыном через Якутск и Иркутск в Петербург. Так трагически оборвалась эта экспедиция, которая должна была приподнять завесу над таинственной страной. Черский во время зимовки в Верхне-Колымске составил и послал в Академию наук предварительный отчет о первом годе работ. Отчет этот, опубликованный в 1893 году, впервые сообщал достоверные сведения о геологическом строении Индигирско-Колымского края и внес много нового в описание географии края, но данные Черского все еще слишком кратки и недостаточны, так как маршрут экспедиции захватил очень узкую полосу.

Из географических наблюдений Черского наиболее важно открытие за Верхоянским хребтом трех других высоких цепей: хребта, названного им Тас-Кыстабыт, на правом берегу Индигирки выше Оймякона, и хребтов Улахан-Чыстай и Томус-Хая на водоразделе между Индигиркой и Колымой. Следует отметить, что Черский, по-видимому, уже понял, что расположение хребтов Индигирско-Колымского края совершенно иное, чем рисовали до него на картах. Но указания ученого в предварительном отчете настолько неясны, что на них не обратили внимания.

После Черского наступил перерыв в тридцать пять лет, в течение которого несколько экспедиций исследовали низовья Яны и морское побережье, но ни одна не заглянула в пределы горной страны.

Верховья Колымы, выше Верхне-Колымска, были посещены за это время только этнографом В. Иохельсоном, который в 1896 году поднялся до устья Коркодона и прошел по последнему еще 100 километров. Экспедиция Иохельсона имела только этнографические задачи.

Таким образом, огромная область, более чем в миллион квадратных километров, имеющая границей Охотское море и Алдан на юге, Яну на западе и 65° широты на севере, пересечена только одним маршрутом Черского. Область, составлявшая одну двадцатую часть всей

площади дореволюционной России, все же оставалась столь же таинственной, как верховья Конго или Антарктический материк в начале прошлого века.

Уже давно меня привлекала мысль изучить мощные реки Северо-Востока Азии и огромные хребты, их разделяющие. Но только в 1926 году Геологический комитет был в состоянии наконец ассигновать достаточные средства на эту работу.

По первоначальному плану предполагалось, что первое лето (а может быть, и второе) экспедиция будет работать в средней части Верхоянского хребта и, ознакомившись с местными условиями, в следующие годы перебазируется на Индигирку и Колыму. Обе реки в общих чертах к этому времени должны были быть изучены уже экспедициями Академии наук. Но весной 1926 года план работ пришлось изменить.

Еще в начале 1925 года некий Николаев, белый офицер из шаек, отброшенных при разгроме белых армий на северо-восток, после амнистии возвратился в Якутск и представил в Якутскую контору Госбанка пузырек с платиной. Он заявил, что платина намыта им во время скитаний к югу от хребта Тас-Хаяхтах в районе Чыбагалаха, левого притока Индигирки. Район этот был еще совсем не исследован, и предполагаемым месторождением платины заинтересовались. Якутский Совнарком послал геолога П. Харитонову для осмотра месторождений полезных ископаемых на севере Индигирско-Колымского края и в том числе месторождения платины.

Программа экспедиции была обширна: начав работу в Верхоянске, она должна была закончить ее на устье Колымы. Но, выехав из Якутска еще по санному пути, Харитонов вскоре вынужден был задержаться из-за ледохода на Алдане. К осени он успел пройти в среднюю часть хребта Тас-Хаяхтах. Путь, который будто бы прошел Николаев, лежал значительно южнее, но Харитонов не решился двигаться дальше на юг.

Несмотря на то что за лето он три раза сменял у местных якутов своих лошадей на свежих, лошади были сильно истощены и сбили себе копыта на галечниках рек; одну из семи лошадей каравана пришлось бросить. Поэтому, совершив экскурсию к юго-западу и собрав сведения у местных эвенков, Харитонов повернул обратно и по Колымскому тракту вернулся в Верхоянск.

Месторождение платины, указанное Николаевым, так и осталось не найденным. Правда, существование этого месторождения становилось сомнительным: местные эвенки не слыхали, чтобы во время своих поездок Николаев промывал золото или платину (а в тайге все становится быстро известно); кроме того, анализ платины, проведенный в Геологическом комитете, показал, что она очень сходна по составу с вилуйской и, весьма возможно, что куплена у старателей на Вилуе.

Не доверяя показаниям Николаева, Геологический комитет тем не менее решил послать экспедицию в район, указанный Николаевым, чтобы выяснить геологическое строение этой части горной страны. Эта работа и была поручена нашей экспедиции. Поэтому программа наших работ была спланирована так: из Якутска мы направляемся на восток и, переправившись через Алдан, идем на северо-восток через Верхоянский хребет прямо к Чыбагалаху – по сведениям Харитонova, это самый короткий и легкий путь. Здесь оставляем разведочную партию и уходим на запад; по возможности, несколько раз пересекая Верхоянский хребет, исследуем район между Индигиркой и старым Верхоянским трактом (западный из двух путей, идущих из Якутска в Верхоянск). Наконец по этому тракту выходим в долину Алдана и возвращаемся в Якутск к последнему пароходу – к концу сентября. Разведочная партия, проработав месяц, должна была выйти прямым путем к Алдану.

Такова была программа, составленная на основании самых достоверных сведений.

Но в действительности мы попали после Чыбагалаха не к западу, как планировали, а к юго-востоку, на Индигирку, и вернулись в Якутск лишь к Новому году.

От Якутска до Алдана

В Якутске мы прежде всего постарались найти Николаева. Несколько дней он скрывался от нас, но наконец нам удалось допросить его в присутствии местных представителей власти. Николаев как будто охотно рассказал нам всю романтическую историю находки им платины. В 1922 году он якобы пытался подойти к Верхоянску с востока, но, узнав, что город занят красными, повернул на юго-восток, к Индигирке. Подойдя к верховьям реки Чыбагалах, он с перевала увидел за рекой пять конусовидных гор, напоминавших коровье вымя. В верховьях Чыбагалаха он нашел юрту якута Ивана, отсюда старик ламут (эвен) Никульчан повел его вниз по Чыбагалаху. Пройдя более десяти верст, они перевалили влево, на другую речку, текущую также на северо-восток и впадающую в Индигирку выше реки Момы. По этой речке пошли вниз; на первой же ночевке Никульчан показал Николаеву намытую им платину и продал шесть золотников за табак. Пройдя по речке верст сорок-пятьдесят, они оставили ее вправо и пошли на северо-восток по горам; в 60–70 верстах нашли стойбище эвенов, а пройдя еще верст восемьдесят, вышли к селению при впадении Момы в Индигирку. Здесь Николаев уговорил старика эвена за табак и спирт показать месторождение, где тот намыл платину. Затем, заявив, что в тайге им потеряно ружье, Николаев вернулся со стариком и переводчиком (сопровождавшими его все время) обратно тем же путем. В эвенском стойбище оставили переводчика; далее достигли вдвоем описанной речки, параллельной Чыбагалаху, и поднялись по ней верст тридцать. Здесь, прорвав красноватые утесы, река образует расширение и в нем делает две петли; в первой же петле эвен показал месторождение в обрывах террасы. Весь этот участок занят высокими горами без леса. На месторождении работали четыре дня, причем эвен показал Николаеву, как при промывке, подкладывая кусок сукна, задерживать на нем золото. Всего с двухсот лотков они намыли один или два золотника. Позже Николаев купил у эвенов еще некоторое количество платины. Сделанные им записи – описание месторождения – позже погибли (как это бывает во всех рассказах о кладях).

Мы указывали Николаеву, что рассказ этот расходится с прежними его сообщениями, но он клялся, что окончательную правду говорит только теперь, и составил даже схематическую карту, на которой горы были изображены в профиль, а деревья – елочками, как на старинных картах.

Детальность карты, живописное описание, обилие подробностей в рассказе Николаева – особенно это «коровье вымя», которое мы должны увидеть, – заставляли верить, что он был в описанных им местах. Что же касается самой платины, то многочисленные противоречия в показаниях Николаева внушали подозрения. Казалось, вся история выдумана им, чтобы скрыть действительный источник платины. Все же нельзя было окончательно решить вопрос, не побывав на месте.

Карта и рассказ Николаева значительно облегчали наши поиски. Раньше мы должны были, спустившись с хребта Кех-Тас, искать среди многочисленных речек, впадающих в Чыбагалах, ту, на которой был Николаев. Теперь мы знали ее положение по отношению к Чыбагалаху и к юрте якутов, мимо которых проходит дорога.

Тем не менее цель наша была отдаленная и таинственная: неизвестно, какими путями можно пройти с юга к Чыбагалаху, как далеко до него; существует ли большая река Сюрюктах-Арга, которая, судя по картам, течет параллельно Индигирке от самого Верхоянского хребта и существование которой отрицал Николаев; наконец, где же Чыбагалах Николаева – тот ли это Чыбагалах, который на карте впадает в Индигирку на 65°14' северной широты, или это приток Сюрюктах-Арги. Никто не мог сказать нам в Якутске, можно ли проехать на лошадях в Чыбагалах, есть ли там корм для лошадей, возможно ли достать какое-либо продовольствие для людей. Кроме Николаева, никто там не был, а с юга никто из русских не ездил к низо-

вьям Индигирки. Недаром исследователь Северо-Востока Майдель называл Кех-Тас одним из самых диких и негостеприимных горных районов Якутии.

За последние пятьдесят лет вряд ли какая-либо русская научная экспедиция отправлялась в такой романтической обстановке: белый офицер, нашедший богатые россыпи, план с двумя крестами, таинственный старик проводник, горы в виде коровьего вымени, красные скалы, беслесные суровые хребты, неизвестная страна, грозящая голодом животным и людям, и, наконец, перспектива застрять там, вблизи Полюса холода, на зиму, если захватят в горах осенние снега!

Подготовка экспедиции была начата зимою. Житель Якутска А. Семенов, помогавший уже организации нескольких экспедиций, принял на себя заботы и о нашей. Еще в феврале, во время съезда представителей улусных исполкомов, Семенов договорился с председателем Оймяконского исполкома Индигирским, что тот доставит 70 пудов муки, 10 пудов крупы и 6 пудов масла на Чыбагалах, к имеющейся на реке юрте якутов. Индигирский уехал зимой же обратно, и неизвестно, удалось ли ему отправить продовольствие и вообще имелись ли заказанные продукты в Оймяконе. Неизвестно было также, куда он забросит продовольствие, так как он не имел ясного представления о районе работ экспедиции.

К нашему приезду начали уже закупать лошадей. По совету Семенова я решил иметь собственный караван, ибо цель путешествия была неясна и отдаленна, нельзя было ручаться за возвращение в срок, если вообще можно было говорить, что удастся приехать на лошадях обратно. Для многих знатоков края исполнимость этого проекта казалась очень сомнительной. Они считали, что дольше двух месяцев на одних лошадях идти нельзя: лошади будут совершенно истощены и собьют себе копыта; говорили, что во всяком случае обратно через хребет мы на этих лошадях не пройдем – после первого пересечения хребта они смогут идти только по мягкой дороге. Советов давали очень много, и самых противоречивых. Например, люди, имевшие многолетний опыт, рекомендовали нам переждать «время комара» – недели три, когда лошадям идти невозможно; советовали разделить караван на две части, иначе в горных долинах не найдется достаточно корма. Даже расстояние до Оймякона определялось различно: одними в 800 километров, другими в 1300. Можно себе представить, какое настроение создавалось у нас после этих разговоров, когда мы знали, что до Чыбагалаха не менее 800 километров и что надо идти туда быстрым темпом, иначе назад в Якутск на лошадях мы уже не успеем.

Особенно много беспокойства было связано с ковкой лошадей. Местные жители в один голос советовали не ковать: кованая лошадь легче проваливается в болотах, барахтаясь, ранит подковами ноги и, наконец, провалившись между корнями деревьев, обрывает подковы вместе с краями копыт, что выводит ее из строя. Между тем нам нужно было сохранить лошадей на четыре месяца и перейти при этом несколько хребтов, из которых Верхоянский очень большой высоты, с большими галечниками по речкам и с обширными каменными «морями» на перевалах. Опыт предыдущих северных экспедиций не мог ничего дать: все они шли северными тундрами. Черский пользовался наемными лошадьми и за два месяца сменил их три раза. После двух бессонных ночей я приказал ковать всех лошадей, кроме трех горных, с крепкими копытами, оставленных на пробу. Как оказалось потом, подковы действительно сохранили нам караван.

Рабочие, которые также были противковки, очень неохотно повели лошадей в кузницу. Занятие это было не из приятных. Семенов отобрал нам самых крепких и свежих лошадей, «жирных», по местной терминологии («сухие» не выдержали бы дальнего пути); большая часть их никогда не ковалась, и заставить лошадь войти в станок было трудно. Послековки некоторые из лошадей вернулись с ободранными ногами, а рабочие совершенно выбились из сил.

Очень удивило нас местное вьючное снаряжение. Вместо потника якуты делают толстый матрац из сена, сверху прикрывают его мешковиной, к которой пристеган шпагатом слой сена.

Двадцать шесть таких потников, привезенных к нам на телеге, показались возом сена, и я вначале отказался принять их, думая, что это ошибка. Но пришлось подчиниться указаниям знатоков, утверждавших, что при дождях в Якутии такие потники лучше: их скорее можно просушить, чем войлочные. Делать было нечего, тем более что войлока в городе не было. Пришлось взять потники («бото»), к ним соответствующее количество грубо сделанных седел («ханка») и пятсот сорок метров сыромятных ремней, которые должны были заменить веревки. Русские рабочие, привезенные мною из Иркутска и привыкшие к хорошо прилаженному русскому выюку, глядели с недоверием на это снаряжение; к их большой радости, удалось прикупить для остальных восьми лошадей русские седла. Наконец уже в день отъезда с только что прибывшего парохода купили еще более 200 метров веревки, но и этого не хватило на обвязку выюков и на поводы для громадного каравана в сорок четыре лошади. Пришлось скупать ремни по несколько метров у якутов. Всего мы извели за это лето около 1000 метров веревок и ремней!

Снаряжение – малоинтересная для читателя тема – для экспедиции в труднодоступные районы имеет решающее значение. Неудачно снаряженная экспедиция гибнет или принуждена возвратиться, не сделав и десятой доли предполагавшихся исследований. В особенности трудно снаряжать экспедицию в такие дикие места, как предстояло нам, где район и условия работы неизвестны. Здесь нужно решить многое на авось. Таков был, например, вопрос с продовольствием. Неизвестно, завезут ли заказанные продукты на Чыбагалах, а если нет – можно ли достать там что-либо вообще. Но силы нашего каравана ограничены: тридцать две выючные лошади могут поднять всего 2400 килограммов, по 75 килограммов каждая, – большой выюк в болотах гибелен. Увеличивать караван нельзя как из-за недостатка денежных средств, так и из-за отсутствия кормов для такого количества животных. Поэтому мы могли взять продовольствия только на полтора месяца (не считая чая, сахара и т. п., запасы которых рассчитаны на четыре месяца). Больше десятка лошадей занимает наше громоздкое снаряжение, в которое кроме обычных палаток, ящиков и сум входит насос и прочий инструмент для разведок, запас подков и прочее. По расчету, мы должны дойти до Чыбагалаха в один месяц, и останется еще продуктов на две недели, чтобы в случае, если не найдем там ничего, пройти в Мому, где живут якуты и, значит, есть мясо. А если задержимся? Ничего, в крайнем случае начнем есть лошадей... (Это блюдо оказалось у нас на столе гораздо раньше, чем мы предполагали).

Рабочие-якуты, которых нанял для нас Семенов, приехали 12-го вместо условленного срока 4 июня, и с ними прибыло заказанное выючное снаряжение.

15 июня толпа любопытных, собравшаяся в Якутске на левом берегу Лены, с интересом провела два часа, любуясь «захватывающим зрелищем» – погрузкой лошадей на баржу. Мы переправляли наш караван на правый берег Лены, чтобы оттуда выступить на восток, к Верхоанскому хребту.

Лошади, только недавно приведенные из глухих якутских наслегов², никогда не видели пароходов и барж. Поэтому завести их на баржу оказалось тяжелой задачей.

Лошадь под уздцы ведут по узкому и качающемуся трапу. Она упирается, храпит, дико поводит глазами и пятится назад, на твердую землю. Более энергичные встают на дыбы, бьют ногами и падают с мостков в воду. Их выводят на берег и снова тащат на мостки. Но когда лошадь заведена на баржу, дело сделано только наполовину: нужно спустить ее по крутой лестнице в трюм. Лестница так узка, что конь едва втискивается в проход; приходится впятером подхватывать коня веревками под зад и вталкивать его в дверцу. Конь отчаянно бьется и лягается, от ударов новых подков летят во все стороны куски палубы. На берегу толпа зевает и приветствует шумными криками каждый «удачный» удар.

---

² Наслег – административно-территориальная единица в Якутской АССР, соответствовавшая сельскому Совету. – *Прим. ред.*

Баржа маленькая, и в этот день мы смогли перевезти только половину наших лошадей. До другого берега Лены далеко, и переправа совершается медленно. 16 июня те же мучения и страхи испытала вторая партия лошадей, и только ночью мы подошли к низкому правому берегу Лены.

Первый день пришлось посвятить прилаживанию седел и потников и связыванию груза в тюки-боковики по 30 килограммов каждый. Разгорались жаркие споры о превосходстве того или другого способа навьючивания и треножения лошадей. В нашем караване четверо русских рабочих и четверо якутов, и каждый считает, что тот способ, к которому он привык, наилучший. Чтобы прекратить эти споры, я предоставил каждому право выючить коней своей связки, как он хочет. К концу лета якуты признали преимущество русской обвязки выюков, а русские убедились, что, например, для тяжелых ящиков очень хорош толстый якутский потник из сена.

Якутский «бото» на первый взгляд очень ненадежен. Кажется, что после нескольких дней пути он развалится; но нет, мы идем день за днем, а «бото» держатся, и только иногда приходится прибавить немного свежего сена и снова простегать их.

17 июня к шести часам вечера все боковики связаны и разложены парами. Начинают ловить и распределять лошадей, каждый рабочий поведет за собой связку из четырех или пяти лошадей. Лошади, необъезженные, дикие, злые, храпят и бьются. Но якуты выбирают себе самых диких; они знают, что это самые сильные, эти лошади лучше вынесут тяжелую дорогу. Русские рабочие менее опытные в дальних переездах по горно-таежным местам и берут тех коней, которых легче выючить.

А это дело очень трудное: лошади совсем не хотят выючиться. Несколько человек держат коня на растянутых ремнях, наваливают выюк, опасно стягивают подпругу, но, как только выючка закончена и коня собираются привязать к дереву, он делает дикий прыжок, ремни рвутся, конь мчится по кустам, сбрасывая выюк и поддавая задом. Рабочие вскакивают на верховых лошадей, бросаются в погоню и ловят беглеца, иногда за несколько километров от стана.

К двенадцати часам ночи покоренных лошадей начинают связывать в связки по пяти. Но, испугавшись соседних выюков, вся связка сбивается, лошади и кладь перепутываются, ремни рвутся, и обезумевшие животные вновь мчатся по лугам и кустам.

Пришлось отправлять каждую связку отдельно, не ожидая остальных.

Особенно много хлопот доставила связка якута Иннокентия. Он лучший наездник нашего каравана и выбрал себе самых диких коней. Красивее и сильнее всех Мышка – мышастый верхоянский конь, который впоследствии до самого последнего дня пути сохранил свои силы и начинал каждое утро несколькими прыжками с тяжелым выюком. Хороша и Рыжка – худощавая, ярко-рыжая, злая и хитрая лошадь.

И когда все связки уже ушли, мы все еще возились с Иннокентием и его лошадьми. Связка сбилась в кучу, разорвала поводья, одна белая лошадь умчалась с выюком в глубь берега, две лошади спутались и упали вместе. Наш техник Чернов бросается к ним и, лежа вместе с лошадьми, держит их за шеи. Убежавшую лошадь Иннокентий находит только в шести километрах, а за это время обрывается другая лошадь, и долгое время мы стараемся подманить и поймать ее.

Только в пять часов утра, через полсуток после начала выючки, выступает в путь последняя связка. В 16 километрах от берега на Охотском тракте у первого аласа находим наш караван на отдыхе.

Страна между Леной и Алданом – плоская возвышенность, покрытая лесом. А в этом лесу бесчисленное множество аласов – округлых полей, поросших травой. В середине некоторых аласов лежат озера; раньше они занимали все аласы, но теперь многие озера исчезли.

Вокруг аласов, представляющих великолепные пастбища для скота, обычно и жили якуты. Их жилища были расположены далеко одно от другого, и лишь вокруг больших аласов встречались рядом три-четыре юрты.

Чтобы скорее утомить лошадей и сделать их более покорными, мы простояли у первого аласа всего несколько часов и двинулись дальше по Охотскому тракту. Сухо, дождей нет, и дорога крепкая, почти похожая на парковую аллею.

После переезда по тенистому лесу мы выезжаем на изумрудные свежие весенние луга следующего аласа, и потом дорога снова уводит нас в лес.

Лошади после нескольких переходов понемногу начали успокаиваться, и связки идут стройно одна за другой, растянувшись далеко по дороге. Мы также приходим понемногу в себя после страды первых дней, когда приходилось идти и днем и ночью. Слышится уже песенка, которую распевает тот или другой верховой, ведя за собой связку коней.

Навстречу попадают верховые якуты. Мохнатая коренастая лошаденка, большей частью белая, стремена короткие, седло высокое, похожее на казахское. Сзади через седло перекинута дорожная выючная сумы, поэтому приходится сидеть высоко подняв колени. В суммах – все, что надо в дороге путнику.

Встречный обязательно останавливается, и возле него задерживаются две-три связки из нашего каравана. Начинаются расспросы:

«Капсе!» («Рассказывай!») Это слово заменяет приветствие. Вопросимый обычно отвечает: «Нового ничего. Рассказывай ты».

Еще недавно якуты были настоящими кочевниками, последние из них пришли с юга, из Монголии и байкальских степей, несколько сот лет назад. И это приветствие – пережиток кочевого быта, когда каждая новость о местах стоянок, о корме являлась чрезвычайно важной.

И у якутов и у других народов Севера рассказать новости – обязанность каждого путешественника.

Мы проезжаем два больших населенных центра – Чурапчу и Татту. В каждом из них по двадцать – тридцать юрт на пространстве в три-четыре квадратных километра.

В Таттинском исполкоме нам дают проводника-комсомольца, который доводит нас до Уолбы – следующего крупного поселения, лежащего уже в стороне от Охотского тракта, по которому мы шли от Лены. Мы идем по долине реки Татты, занятой лугами, болотами и частью пашнями. Тогда, в 1926 году, пашен было еще очень мало, но в настоящее время площадь их в этой благодатной стране между Леной и Алданом сильно увеличилась. В этом небольшом клине между двумя великими реками Сибири живет около одной трети населения Якутии, и здесь расположена основная житница республики.

От Уолбы мы должны свернуть через низкие лесистые горы к Алдану. На ночевке вокруг нашего стана собираются любопытные и критикуют наших лошадей. Все находят, что они никуда не годятся: слишком «сухие», спины сбиты.

Слышатся мрачные предсказания, подкрепляемые обычным: «Сами увидите».

«От Уолбы до Алдана очень плохая дорога, сплошь бадараны (болота), половина ваших лошадей останется».

Где же в подковах через болота! Через Алдан мы только жирных лошадей плавим, из ваших половина потонет».

В конце концов приводят «жирных» лошадей с глубокой бороздой на широкой спине и предлагают менять на наших с придачей пяти или десяти рублей. Я отказываюсь: все наши лошади осмотрены в Якутске ветеринарами, а этих отдают что-то уж очень охотно. Но тяжелое впечатление от пересудов остается, и мы с опаской поглядываем на своих лошадей: у многих уже сбиты спины, некоторые выглядят утомленными после быстрых переходов.

Дорога от Уолбы к Алдану значительно хуже, и мы получаем первое представление о бадаранах. По этой дороге они все покрыты гатями, но часто бревна совсем сгнили, и из осторожности приходится объезжать гать стороной, прямо по болоту. Лошади падают, их надо раз-выючить, вынести выюк на себе до сухого места, иногда 50–100 метров по болоту, помочь лошадям встать. Одна кроткая серо-пегая лошадь, Пегашка, не может сама подняться в болоте,

лежит на боку, вся обмазанная грязью, и жалобно смотрит темными глазами; когда мы вытаскиваем ее из болота и ставим на ноги, у нее дрожат бедра.

Через Верхоянский хребет

В ясный день 27 июня мы спускаемся в долину Алдана. Среди лесов и лугов находим несколько юрт – урочище Хаджима. Старик якут, который выходит к нам навстречу, говорит, что большая лодка есть только на устье Амги, в 40 километрах южнее. У них же на берегу нет ни лодок, ни веток.

«А на том берегу Алдана, в Крест-Хальджае?»

«Также нет ничего».

«Если переплыть самим на складной лодке, которую мы везем, то найдем ли Крест-Хальджай?»

«Нет, он километрах в трех от реки, и с берега его не видно».

«Есть ли здесь проводник через Верхоянский хребет?»

«Нет, был один – уехал».

Алдан здесь шириной в несколько километров, разделен на отдельные протоки множеством островов, от самых маленьких до огромных; острова покрыты лесом. По-видимому, нам не удастся построить плот и на нем перевезти лошадей: плот при быстром течении унесет между островами очень далеко. Надо лошадей «плавать».

Выйдя на берег Алдана, к моему большому удивлению, я нахожу три ветки (лодки), и мне удается нанять неуклюжего и молчаливого якута, который перевозит меня на другой берег.

Только через несколько часов мы достигаем противоположного, покрытого лесом берега; вытаскиваем ветку на берег, пересекаем прибрежную полосу леса и через десять минут достигаем юрт аласа Нахсыт, расположенного в стороне от реки. Мое появление вызывает здесь крайнее оживление – со всех сторон сбегаются жители. Проводник с гордостью показывает меня и рассказывает, кто я и зачем приехал; затем слушатели пытаются добиться от меня сведений о приходе парохода. Давно уже должны прийти два парохода из Якутска вверх по Алдану, один на Нелькан, другой на Алданские прииски, и привезти свежие товары в Крест-Хальджай.

Собрав скудный запас якутских слов, которым я научился за две недели, стараюсь рассказать все новости о пароходах, об Уолбе и даже о Якутске. Якуты напряженно стараются понять мое сбивчивое объяснение, составленное из одних существительных и глаголов в неопределенном наклонении, и наконец, уловив содержание, радостно улыбаются. Каждую мою фразу они повторяют друг другу, подкрепляя ее словом «дийде» (говорит).

Отсюда я иду с одним якутом, у которого есть большая лодка, в алас Эбе, где расположено селение Крест-Хальджай. Мне еще в Якутске рекомендовали найти здесь учителя якута Савву Харитонову, который может помочь в найме проводника.

Харитонов принимает меня очень радушно, и с его помощью мне удастся столкнуться с перевозчиком. Последний берется на своей лодке перевезти весь груз, а лошадей перегнать вплавь. Но переправа займет три дня, что меня очень беспокоит: у нас мало времени, а надо пройти так далеко. Перевозчик и Савва говорят, что после переправы придется непременно дать лошадям отдохнуть целый день.

С проводниками еще хуже: почти все знающие дорогу разъехались. Есть один старик, Иннокентий Сыромятников, живущий в 15 километрах, за которым Харитонов посылает нарочного.

После ночевки в школе я утром, на заре, возвращаюсь в Нахсыт, чтобы переправиться на левый берег Алдана и успокоить своих спутников, которые с нетерпением ждут новостей о переправе и проводниках.

В Нахсыте все еще спят. Надо подождать, пока приготовят чай: уйти без чая не полагается. Хозяин юрты старается занять меня разговором, но за недостатком слов разговор скоро прерывается.

Это мой первый визит в юрту, и я с любопытством осматриваюсь. От кочевого быта у якутов остался еще обычай строить две юрты – летнюю и зимнюю. Иногда они строятся в двух-трех километрах одна от другой, иногда дверь к двери и отличаются только величиной: зимняя меньше и утеплена. Я в летней юрте. Она покоится на четырех вертикальных бревнах, поставленных по углам квадрата. Сверху на них лежит венец из четырех балок с одной или двумя поперечными матицами. К этому остову прислонены наклонно тонкие бревна, образующие стены. В стенах прорублены маленькие оконца, в которых вставлены рамы с обломками стекол, нередко вшитыми между двумя кусками бересты. Крыша сделана из жердей с очень слабым наклоном. В одной стороне или чаще в центре очаг – камин с прямой трубой из жердей, обмазанных глиной. Пол земляной. Вдоль стен кругом юрты между вертикальными столбами и наклонными стенами широкие нары – «орон». Снаружи юрта покрыта землей, смешанной с навозом.

Хозяйка вынимает из деревянного шкафчика, когда-то раскрашенного ярким геометрическим узором, фарфоровые чашки. На стол ставят самовар (на Алдане я его видел в каждой юрте) и угощение: лепешки и сливочное масло кусками.

Трое смуглых детей, с темным румянцем на щеках, с блестящими черными глазами, жмутся к коленям хозяина юрты и с любопытством, открыв ротки, рассматривают меня.

Хозяин очень внимателен к ним, сажает их на колени и угощает кусками масла. После чаепития мы едем на тот берег, и вскоре начинается переправа.

Рабочие приводят пять лошадей и со страшными криками загоняют их в реку; лодка отъезжает, лошади плывут за ней, пофыркивая. Рыжая лошадь начинает захлебываться. Михаил Перетолчин, один из русских рабочих, свешивается через борт, хватая ее за уши и держит голову над водой. Наконец лодка подходит к острову, лошади выскакивают на берег и, отряхиваясь, убегают в лес. Лодка идет за новой партией.

Мы с геодезистом К. А. Салищевым, взяв астрономические инструменты, переправляемся в якутской ветке на правый берег, чтобы возле Нахсыта определить астрономический пункт. Переправа продолжается часа два-три. На полянке у Нахсыта расставляем инструменты, палатку; Салищев, как только на темнеющем небе появляются первые звезды, начинает наблюдения.

Утром нас будит какая-то голова, проснувшаяся в палатку. Я довольно нелюбезно огрызаюсь, но, когда после ряда непонятных слов называются фамилия и имя посетителя, которые тоже сразу не поймешь, сон сразу проходит: это сам долгожданный проводник Сыромятников. Он довольно толстый, с длинным упитанным лицом, ласков, но, видимо, себе на уме. Он знает всего два-три русских слова; для переговоров придется ехать к Сáбе (Савва – учитель; якуты называют людей по именам, фамилия употребляется в исключительных случаях, это «писаное имя»).

С Сыромятниковым приехал другой якут, и мне любезно дают его лошадь, а он сам идет пешком. Лошадь с якутским седлом, и вскакивать на него приходится спереди, описывая большой пируэт в воздухе правой ногой, чтобы не задеть переметные сумы. Сыромятникова на седло поднимает спутник – у него болит спина. В школе учитель угощает нас чаем. После того как выпито несколько чашек, начинается длинный разговор. Сыромятников сообщает, что прямых дорог отсюда на Чыбагалах никто не знает и никто никогда прямо туда не ездил. Единственный возможный путь – это пройти на Индигирку, к Оймякону, а там уже искать проводника на Чыбагалах.

На Оймякон есть две тропы. Одна – южная, по которой прошел в 1891 году геолог Черский, но на нее отсюда попасть трудно. Другая тропа, северная, идет от Крест-Хальдзя прямо на восток, сначала вдоль реки Томпо, затем пересекает реку и поднимается по ее притоку Менкюле. По этой дороге можно выйти на Индигирку в 100 километрах ниже Оймякона, к устью реки Эльги и даже в факторию Тарын-Юрях, которая еще ниже. До Индигирки отсюда больше

75 якутских кёсов³ – 750 якутских верст; якуты делают этот путь в двадцать пять дней. Он думает, что мы пройдем не меньше тридцати дней: корма по дороге мало, придется иногда дневать на местах, где есть корм. Дорога тяжелая, очень много болот, и наши кованые лошади не годятся.

Эти сообщения меня поразили. Не только нельзя пройти прямо на Чыбагалах, но даже в верховья Индигирки, куда я вовсе не хотел заходить, мы доберемся только к началу августа. А я рассчитывал, что к половине июля смогу быть в Чыбагалахе.

Очевидно, приходится теперь оставить надежду на возвращение в Якутск к последнему пароходу.

Скрепя сердце решаю идти сначала на Индигирку: надо попасть на Чыбагалах во что бы то ни стало, любым путем.

Начинаю выяснять, сможет ли Сыромятников довести нас до Индигирки. Но он прежде всего ставит ряд условий, которые учитель передает мне со смущенным лицом.

Наши лошади частью слишком «сухие», частью со сбитыми спинами и не годны для такого тяжелого пути – надо нанять здесь вместо них новых.

На кованых лошадях нельзя идти, надо снять подковы.

Наши русские вьючные седла и потники плохи, надо сменить их все на якутские.

Наши брезентовые мешки и сумы не годятся, они издерутся в тайге, надо взять здесь кожаные якутские сумы.

Надо сменить часть рабочих и взять здешних якутов, привычных к горам. Проводник должен иметь для помощи двух своих рабочих.

Наконец ввиду трудности пути Сыромятников ставит обязательное условие: предоставить ему право распоряжаться всеми силами людей и животных и, если нужно, останавливаться, где захочет, и уезжать в сторону.

Совершенно подавленный, я в силах только спросить, откуда же он знает о состоянии нашего каравана. Сыромятников отвечает: «Люди говорят». Люди – это несколько досужих зрителей, которые видели наш караван. И вот у местных якутов, охотно передающих друг другу слухи, постепенно их искажая, создается убеждение в полной непригодности нашего каравана для предстоящего пути. Эти пересуды отразились и на нашем настроении. Поэтому во время пребывания в Крест-Хальджае рабочие наши были уверены, что караван – если не люди, то лошади во всяком случае – обречен на гибель в Верхоянском хребте.

Что мне оставалось ответить Сыромятникову? Он единственный здесь проводник. Мне хотелось спросить его, сохраняет ли он за мною место начальника экспедиции, или и эта должность перейдет к нему, но вместо этого я осведомился, что возьмет он, чтобы на перечисленных условиях вести нас. Ответ был достоин предыдущего: «Пока я сам не увижу каравана, я ничего не могу сказать; кроме того, я болен, и мне надо отдохнуть здесь некоторое время».

Ясно, что все это – «политика», стремление выжать из экспедиции возможно больше в пользу кулака, крупного владельца лошадей – Сыромятникова. Положение чрезвычайно благоприятно для него и безвыходно для нас.

В Крест-Хальджае Сыромятников – единственный владелец большого количества лошадей. У него или у подставных лиц я должен буду нанимать лошадей, покупать седла и сумы. Его же батраки поедут с нами в качестве рабочих, и он по дороге займется своими торговыми операциями: повезет с собой товары на нанятых у него лошадях, будет задерживать караван, где захочет, и разъезжать по стойбищам своих должников-эвенов, собирать с них долги и про-давать втридорога чай, табак и мануфактуру.

---

³ Кёс – якутская мера длины, дневной переход; в нем 10 якутских верст; кёс равен семи-восемью километрам. – *Прим. автора.*

А пока его помощники и прихлебатели распространяют слух, что лошади обречены на гибель в Верхоянском хребте.

На всякий случай захожу к фельдшерице, которая осматривала Сыромятникова, – узнать, что с ним. Оказывается, что у него растяжение связок спины.

– Недели две ему нужно пролежать спокойно, но все равно вы раньше и не уедете, у вас лошади очень плохи.

– Но ведь вы не видели каравана!

– Люди говорят.

Я восклицаю с возмущением:

– Мы выступаем через два дня!

Вы представляете, какое было у нас настроение в палатке на берегу Алдана, куда я возвращаюсь после разговора! Перспектива – сидеть в Крест-Хальджае неопределенное время – недели или месяцы, пока найдется другой проводник, или мы выполним все требования Сыромятникова, если только на это хватит остающихся у меня денег. Затем мы пойдем к неизвестным хребтам, где, наверно, погибнут лошади, а сами мы застрянем до зимы.

К вечеру приходит якут, перевозящий наших лошадей через Алдан, и говорит: «Один конь пропал». Какой именно конь и почему – непонятно. По-видимому, потонул при переправе.

Следующий день не приносит ничего хорошего. Я снова иду в школу. Учитель почти так же удручен, как и мы: он чувствует, что на его обязанности разрушить сеть, которую сплели вокруг нашей экспедиции местные кулаки, и помочь научному предприятию.

За время экспедиции мы не раз удивлялись тому исключительному вниманию, с которым относилась к научной работе якутская сельская интеллигенция. Это внимание особенно ярко выделялось в сравнении с жестоким корыстолюбием кулаков, которые существовали в Якутии до создания колхозов, то есть до 1929–1930 годов.

К вечеру кончается переправа каравана; коней переправляли сначала на остров, а затем на правый берег. Одна из лошадей действительно сдохла еще на острове: переплыв через первую протоку, она зашаталась и упала. Это была очень старая лошадь.

В этом печальном происшествии мы были утешены удачной и быстрой переправой остальных лошадей. А павшую лошадь ободрали и мясо ее стали варить и есть; сегодня осталась от нее половина. Подковы сняли и спрятали, чтобы подковать других лошадей, а шкуру взял себе якут-перевозчик.

Назавтра мы с учителем начали объезжать соседние аласы и опрашивать всех встречных, нет ли где-нибудь хотя и не такого знаменитого проводника, как Иннокентий Сыромятников, но знающего дорогу. Наконец мы узнаем, что бедняк старик Николай Сыромятников бывал на Индигирке и не прочь поехать с нами. Находим его в лесу на озерке, где он ловит рыбу. Это маленький седой человек с кротким морщинистым лицом. Сидя на пеньке, он обстоятельно и медленно отвечает на вопросы, которые переводит учитель.

– Да, я ездил по северной тропе и к устью Эльги, и в Тарын-Юрях.

– А хорошо ли ты помнишь дорогу? Наверно, давно не бывал там?

– Нет, последний раз по этой тропе ходил три года назад. И хотя я стар, а глаза хорошо видят.

– Не устанешь с нами ехать?

– Меня, старика, наверно, не заставите вести выючных лошадей, а со своей я сам справлюсь!

– Один поедешь? Помощников не надо?

– Зачем помощники? Моего коня разве пасти? Так ваши ребята за ним приглядят.

Нетребовательность и скромность старика Николая по сравнению с его однофамильцем, кулаком Иннокентием, меня поразили; я был бесконечно счастлив, что нашел добросовестного проводника, который соглашается через два дня выехать с нами.

Еще два дня мы проводим на берегу Алдана в ожидании, пока Николай устроит свои домашние дела. Время это мы используем на ремонт выюков.

3 июля, потеряв на переправу через Алдан и поиски проводников шесть дней вместо одного-двух, как я предполагал, мы выступаем из Крест-Хальджая. У дверей юрт и домов стоят любопытные, и нам кажется, что они определяют, какая лошадь раньше сдохнет. Но как только мы покидаем селение и томительное ожидание сменяется движением вперед, настроение резко изменяется, мы снова верим в свои силы, и мрачные предсказания крестхальджайцев теряют власть над нами.

Первые 40 километров дорога идет по местности того же характера, что и долина самого Алдана: сосновые, лиственничные, березовые леса, прерываемые лугами. Вначале часто попадаются юрты, потом они становятся все реже, и последние – уже на расстоянии 20 километров одна от другой. Вблизи юрт через некоторые болота положены гати и есть даже мосты через речки, но за последней юртой мы вступаем в область сплошных девственных болот. По этой тропе до подножия гор на 180 километров простирается приалданская низменность.

Взобравшись перед отъездом на колокольню Крест-Хальджая, я увидел на востоке и северо-востоке низкие зубцы и гребни Верхоянского хребта, синюющие на горизонте. Потом все девять дней, пока мы брели по бесконечным болотам, я мечтал об этих синих горах. Только на пятый день сквозь опушку леса наконец начали мелькать вершины хребта, которые как будто оставались все так же далеки и недостижимы. Пока же вокруг нас были только болота!

Болота здесь разнообразны. Во-первых, чистые, безлесные болота с большими кочками, покрытыми травой, и с морем воды между ними. Вечная мерзлота близко, и поэтому, если тропа по болоту уже пробита, идти сравнительно хорошо, лошади бредут по брюхо в воде, но не проваливаются.

Неприятнее болота с редким лесом, покрытые мхами: лошади проваливаются сквозь мох и могут повредить себе ноги, продираясь между упавшими деревьями.

Еще хуже лес по болоту – здесь тропа превращается в ряд грязных топких ям между корнями деревьев, крайне опасных для лошадиных ног. Местами встречаются маленькие открытые болота, где лошади вязнут совершенно.

Лошадь, чтобы спастись из болота, прыгает на корни деревьев, стучается выюком о дерево; а если на ней сидит всадник, она не обращает на него никакого внимания, и ему приходится во время этих прыжков оберегать свои колени от ударов о стволы деревьев, а глаза – от острых ветвей.

Обходя наиболее глубокие болота, проводники нередко свертывают с тропы и уводят свои связки в чащу. Тут нещадно обдираются выюки и ящики. Скоро на наших выюках с мукой уже были разодраны в клочья простые мешки, которые мы надели сверху для предохранения брезентовых; якутские ящики, такие беленькие вначале и аккуратно обтянутые кожей, разбились и обтрепались.

Передвижение по болотам очень утомило и людей и животных. Не говоря уже о постоянном вытаскивании лошадей и груза из болот, одно пребывание в седле в течение десяти-двенадцати часов на лошади, которая судорожно бьется под вами, вытаскивая из трясины то передние, то задние ноги, чрезвычайно утомительно; поэтому мы вздохнули с облегчением, выйдя к берегу реки Томпо и увидав в десятке километров к востоку Окраинную цепь Верхоянского хребта.

Томпо – это большая река, которую здесь даже нельзя перейти вброд. Она вытекает из ущелья в хребте и рассыпается на протоки. Между ними галечные острова, покрытые тальниками, по берегам заросли тополей и елей.

В лесу мы нашли спрятанную ветку, сделанную специально для переправы каким-то заботливым путником. Но она мала для перевозки груза, и приходится привязать к ней два бревна. Кроме того, у нас с собой складная брезентовая лодка, которая помогла уже на Алдане. Она очень короткая, плохо управляется, но на нее можно нагрузить очень много.

На следующий день переправляют лошадей: прижав весь табун к утесу, страшными криками пытаются согнать его в воду вслед за несколькими лошадьми, привязанными к лодке. Но лошади убегают, взбираются на крутые осыпи, чтобы избежать воды, и после нескольких неудачных попыток удается заставить только двадцать пять лошадей войти в воду и переплыть реку. Они выходят дрожащие, унылые и покорно стоят на отмели. Остальных переправляют в поводу за лодкой.

Лошадям надо дать отдохнуть после тяжелых переходов по болотам с плохим и скудным кормом, и я отправляю их за три километра, на устье притока Томпо – Куранаха, где хорошая трава. Заодно их там подкуют – уже не меньше сорока подков сорвано в болотах. Мы сами остаемся у переправы, чтобы сделать экскурсию к окраине хребта и дать возможность Салищеву закончить наблюдения, необходимые, чтобы определить здесь астрономический пункт. Такие пункты он будет определять вдоль всего пути на расстоянии нескольких сот километров один от другого. Астрономические пункты будут точно нанесены на карту, и между ними расположатся участки дороги, снятые маршрутно-глазомерной съемкой, то есть по часам и компасу. Такая съемка дает ошибки в определении длины пути и направления, а астрономические пункты позволяют сделать карту более точной. Особенно важна проверка съемки по астрономическим пунктам при путешествии по лесам, где определения направления и длины пути очень неточны.

Хребет совсем близко, и нам не терпится попасть туда скорее. Что лежит за первой грядой? Может быть, мы увидим главную снежную цепь?

С моим помощником, горным инженером Протопоповым, мы идем пешком в горы вдоль Томпо. С трудом пробираемся по берегу под обрывами и нависшими кустами. Но вскоре утесы преграждают путь, и приходится влезать на склон. Лишь к вечеру мы достигаем устья большого левого притока, почти равного главной реке. Как мы позже узнали, это была река Менкюле.

На отмели мы увидели следы молодых и взрослых лосей, приходивших к водопою, но самих животных не видно. Решаем заночевать километрах в пяти от устья Менкюле: уже поздно, а дальше обрывы окончательно преграждают путь. Менкюле течет здесь в понижении, тянущемся за первой, Окраинной цепью, а Томпо идет навстречу Менкюле с севера. Это было первое географическое открытие нашего путешествия, так как на картах река Томпо была показана текущей прямо с востока. Мы устраиваемся на ночь у громадной кучи плавника – леса, принесенного рекой, и зажигаем его: отчасти, чтобы погреться, отчасти, чтобы отогнать комаров, которые сегодня нам изрядно досаждали.

Всякий опытный таяжник, чтобы переночевать с удобством, устроил бы навес из ветвей и перед ним «надью» – два или три бревна, сложенных вместе. «Надья» горит всю ночь и хорошо согревает спящих под навесом. Но у нас не было топора, и мы устроили костер на площади в 200 квадратных метров! Костер горит на славу. Мы согреваем на нем консервы и затем ложимся с краю на горячую золу.

Утром приходится возвращаться: хотя впереди и неизвестная страна, но завтра караван должен выступать. На обратном пути мы взбираемся на Кюрынью – высокую гору в первой цепи к югу от Томпо. На этой горе, по поверьям якутов, образуются дожди; вчера весь день действительно вокруг горы клубились грозовые тучи. Поднимаемся сначала по лесу в влажной тени по глубокому мху; еще рано и холодно. Вскоре появляется кедровый стланец – цепкий кустарник, преграждающий путь своими бесчисленными ветвями, стелющимися по земле и затем дугообразно загибающимися вверх. Подниматься по зарослям стланца невероятно трудно. На вершине и на полянах следы медведей и ямки, вырытые в щебне: сюда медведи

приходят погреться на солнце и отдохнуть от комаров, которые гудят в лесу. Настоящий медвежий курорт! Нигде не видно и не слышно медведей, но, может быть, у них сейчас «мертвый час» и за кустами мы найдем спящего мишку?

С вершины Кюрыньи изумительный вид во все стороны. Прежде всего мы смотрим, конечно, на восток: что там, в неизвестной стране? За понижением, в котором параллельно Окраинной цепи текут Менкюле и Томпо, возвышается высокая цепь с крутым обрывом – Скалистая, как я ее тотчас же назвал. За округлыми предгорьями этой цепи круто поднимаются ее обрывистые гребни с красновато-коричневыми скалами, тянущимися непрерывной стеной с юга на север по всему горизонту километрах в сорока – пятидесяти от нас. Высота ее местами до 2 тысяч метров, и нам кажется, что это и есть водораздельная Главная цепь Верхоянского хребта; но, как оказалось, до последней еще очень далеко.

На север горизонт ограничивают горы, лежащие за узкой щелью Томпо, но зато на запад глаз скользит по бесконечной равнине. Похожая на кожу пестрой лягушки, она покрыта светло-зелеными пятнами громадных болот и темными массивами лесов. Томпо и ее притоки, окаймленные желтыми полосами галечников, делят эту монотонную низину на неправильные треугольники. На горизонте можно различить высокий левый берег Алдана. И нигде ни одного человеческого жилья, ни дымка, ни покоса!

Кто бы мог тогда подумать, что на этой дикой реке в 1933 году начнется постройка культурной базы для обслуживания кочевых эвенов; что к 1936 году здесь будут уже больница, школа с интернатом, ветеринарный пункт, зоопункт, электростанция, кинопередвижка; что приезжающие сюда эвены будут отдыхать в красном уголке, слушать радио, читать книги! Здесь впервые эвены увидели свиней и кур, животноводческое хозяйство, опытные посевы зерновых культур и огород.

На другой день мы вступаем в те бесконечные горы, о которых нам рассказали столько страхов. Лошади после отдыха выглядят свежими и веселыми и бойко идут вперед.

Наша тропа проложена по небольшой речке Куранаху. Она так мало протоптана, что часто очень трудно найти ее, особенно при переходе через реку. Постоянно переходя с берега на берег, тропа теряется, но Николай ведет нас уверенно: якут не боится отсутствия тропы.

На якутском языке дорога и след обозначаются одним словом – «суол», и действительно, наша дорога часто только след проехавшего год назад путника. Если дорогу преграждает болото, на котором трава разбита копытами, мы идем по целине или лезем в чашу, обдирая в ключья выюки.

Николай уже стар, и наши якуты-рабочие втихомолку подсмеиваются над ним и сами часто выбирают дорогу по вкусу, особенно «леший» Оконохой (Афанасий), который никогда не ведет свою связку по тропе: то тропа слишком камениста, то вязка. И, догоняя караван, я всегда вижу по следам: вот прошли другие связки, а здесь, стороной, шел Афанасий.

На Куранахе веселее, чем в болотах Томпо, – светлые тополевые рощи, луга, галечники. Куранах значит «сухой», болот по нему нет. Очень часто мы едем по островам или приречным террасам, поросшим мелким тополем, по крепкой тропе. И лошади и люди отдыхают от бадаранов.

После ночевки на Куранахе мы переваливаем через гору на приток Менкюле – Нижний Харыялах.

По Харыялаху дорога быстро сворачивает в узкую, заросшую лесом долину его правого истока. Я задерживаюсь для осмотра утесов и, отстав от каравана на час, вижу впереди, в верховьях реки, два столба дыма. В июне и июле здесь очень мало дождей, все пересохло, к тому же на Харыялахе густой еловый лес (Харыялах значит «еловый»); в чаще ели увешаны гирляндами сухих светло-серых лишайев, которые мгновенно вспыхивают. Ели загораются одна за другой, и огонь сразу охватывает все дерево, превращая его в колеблющийся столб пламени; как только сгорают лишайи, огонь уменьшается и появляется черный дым.

Мы едем по самому краю обрыва: огонь захватил тропу и прижимает нас к речке. За площадью пожара находим утес, который надо осмотреть. Пока я записываю наблюдения, налетает порыв ветра, и пламя, страшно завывая, прыгает с утеса на утес, перебрасываясь на десятки метров, подобно какой-то гигантской огненной метле, вздымающей искры. Лошадь поворачивается спиной к пламени, прядает ушами, храпит.

Вечером я делаю строгий выговор рабочим за неосмотрительное курение, но никто не признается.

По Харыялаху мы входим в Скалистую цепь. Красноватые утесы известняков возвышаются по обе стороны речки метров на семьсот, от них в долину выдвигаются большие осыпи.

Наш караван медленно поднимается между осыпями, проходит ярко-зеленые лужайки, маленькие озерки и переваливает на восточный склон цепи, на речку Верхний Харыялах.

15 июля по ущелью этой речки спускаемся в широкую долину Менкюле, в то благословенное место с хорошим кормом, о котором нам говорили в Крест-Хальджае: «В Кюель-Сибиктя отдохнете и покормите лошадей перед подъемом на главный хребет».

Но Николай решил пройти дальше и остановился в Ойегос-Оттук («боковой корм») выше по реке. Хотя корм здесь хуже, мы решили сделать дневку, чтобы дать отдохнуть лошадям и осмотреть соседние горы.

С утра все настроены празднично: стирают белье, чинятся, пекут лепешки, идут на реку купаться. В экспедиции это все удовольствия, которым можно свободно предаваться только на дневках. Утром я записываю вчерашние наблюдения. В полдень снаряжаемся для экскурсии.

Уже садясь на лошадей, мы замечаем в полукилометре к северу и востоку два столба дыма. Петр Перетолчин, пожилой рассудительный рабочий, спокойно поясняет: «Это я разложил дымокур на редке⁴, кони очень бьются, комаров много. Никуда огонь не пойдет – кругом болото. А другой дымокур Михаил на острове разложил». Я иду проверить, в самом ли деле все так хорошо, и недалеко от палаток нахожу новый центр пожара в лесу: ветер уже переброшил огонь сюда, а два дымокура превратились в громадные ревущие пожарища, которые ветер гонит в нашу сторону. Мы пробуем ветками забить огонь, но не удается ликвидировать даже самый маленький из новых очагов пожара. Надо бежать: если ветер рванет сильнее, то через десять минут лагерь будет в огне. Прежде всего необходимо найти лошадей, чтобы вывезти груз. В другие дни поиски лошадей иногда затягиваются на два-три часа, но сегодня лошади близко и их вскоре удастся привести.

Поспешно свертываемся, упихая все кое-как; котел с тестом, приготовленным для лепешек, опрокинут, и тесто вытекает на мох. Огонь начинает перекидываться через последнее болотце в нескольких шагах от лагеря. Мы долго боремся с ним, забивая пламя ветвями; огонь все-таки побеждает, но у нас все уже завьючено, и караван уходит.

Мы идем еще два дня вверх по реке Менкюле. Это большая река, с быстрым течением, брод через которую очень опасен, и поэтому только в конце второго дня, когда река становится мельче, проводник переводит караван на другой берег.

Долина Менкюле здесь имеет ледниковый характер. Следы недавнего оледенения видны всюду: утесы, обточенные льдом, нагромождения валунов и мелкого рыхлого материала, так называемые морены, перегораживающие дно долины или тянущиеся вдоль склонов. Эти морены принес сюда ледник, спускавшийся с Главной цепи хребта и тащивший с собой массу камней, захваченных им со склонов и на дне. Ледник был длиной не меньше 100 километров и заполнил долину до высоты 400 метров. Это было давно, двадцать или тридцать тысяч лет тому назад; тогда весь Верхоянский хребет был покрыт такими ледниками, спускавшимися к равнине Алдана. Позже климат изменился, и ледники растаяли.

---

⁴ Редка – гряда с пологими склонами. – Прим. автора.

С Менкюле мы сворачиваем на ее приток Тебердень, который должен вывести нас к удобному перевалу. Три дня идем вверх по этой речке. Долина становится все мрачнее, горы высятся на целый километр. Наверху уходят к облакам темные утесы, внизу громадные осыпи спускаются к широкому плоскому дну долины, покрытому частью тополевыми зарослями, частью большими безотрадными галечниками (по которым так трудно идти лошадям). Нередко галечники прерываются белыми пятнами наледей.

Наледь, или по-якутски тарын, – это явление, характерное для сибирского севера в областях вечной мерзлоты. Зимой, во время сильных холодов, многие горные реки промерзают до дна, и вода просачивается через галечники берегов. Многочисленными струйками она вытекает из галечников на поверхность льда, разливается по нему тонким слоем, который вскоре замерзает. Таким образом за зиму намерзает слой льда толщиной в два-три метра и даже до восьми метров и покрывает не только реку, но и всю долину ее, иногда шириной до двух-трех километров и длиной от нескольких сот метров до десятка километров. Зимой, при 60-градусных морозах, тарын всегда покрыт водой, а летом, в июльские жары, это – мощные толщи льда среди зелени, не тающие до самой осени. Тарын захватывает и прибрежные леса, если они лежат на низкой террасе. Деревья от этого постепенно гибнут, и летом в долинах рек, на местах, где тарын стоял, образуются огромные площади галечников с засохшими серыми рощами.

Зимой тарын представляет большие препятствия для передвижения, а летом это излюбленная дорога для караванов лошадей. По тарыну лошадям идти хорошо: они не сбивают себе копыт, как на галечниках, и не вязнут, как на болотах.

На третий день мы начинаем подниматься наконец на Главную цепь, пройдя около 380 километров от Алдана и 190 километров от подножия хребта. Исчезли деревья, дно долины покрыто щебнем и округленными кусками песчаника, по которым лошади идут медленно, осторожно переступая. Наконец мы выходим на широкую седловину перевала. На западе вниз по Теберденю видны острые хребты, достигающие 2500 метров высоты, с обильным снегом, с цирками недавних ледников.

На восток лежит плоская долина, а за ней в мрачной завесе грозовой тучи – округлые горы; утесов почти нет. Это знаменитый Чыстай, который лежит по гребню Верхоянского хребта, – безлесное пространство (от русского слова «чистый»), где летуют эвены со своими стадами. Здесь много корма, но нет топлива, и нам нужно миновать Чыстай сегодня же.

Мы спускаемся по широкой долине – оказывается, это верховья Томпо. Хотя мы уже перевалили через Главную цепь, но все же не достигли бассейна Индигирки. Алданский склон хребта круче, размывается быстрее, чем индигирский, и река Томпо своими верховьями успела проникнуть на восточный склон Главной цепи и похитить верховья прежних притоков Индигирки.

В 15 километрах от перевала у первых деревьев, жмущихся к подножию гор, мы находим чумы эвенов (ламутов) и стада оленей. Становимся возле них на ночлег.

Мы прошли 400 километров, не встретив ни одного человека. Оймяконские якуты, числом около двух тысяч, жили в те годы по долине Индигирки и на нескольких притоках вблизи нее, а эвенов во всем бассейне Верхней Индигирки и в прилегающей части Верхоянского хребта было не более трехсот пятидесяти человек.

В 1926 году снабжение горных районов было поставлено еще плохо, эвены не были объединены в артели и кулаки-якуты могли еще эксплуатировать их, сбывая им по высоким ценам чай, табак, железные изделия и прочие товары и опутывая долговыми обязательствами. Теперь положение эвенов другое: они объединены в артели, товары получают из лавок и факторий по твердым ценам, никто не спаивает их и не отнимает за долги, как это делали купцы и кулаки до революции, ценную пушнину и оленей.

Утром мимо нас прогоняют оленей; они бегут со странным хорканьем, вытянув морды, и потом тесной кучей ложатся у чума; их рога подобны зарослям кустарников; когда северный олень лежит тихо в лесу на мху, его трудно сразу различить между кустами.

Я пытаюсь расспросить у эвенов о прямой дороге на Чыбагалах, но никто из них не ездил туда и не слышал, есть ли такая дорога. Приходится покориться судьбе и ехать на Индигирку. Мы решаем, что в Тарын-Юряхе, на Индигирке, где есть фактория Якутгосторга, мы договоримся с доверенным фактории о нашем зимнем возвращении, о найме оленей, ибо ясно, что ни к какому пароходу в Якутск мы не попадем. Сегодня 21 июля, больше месяца со дня выхода; мы прошли 750 километров – по карте как раз столько было прямо до Чыбагалаха, а между тем мы только перевалили через Верхоянский хребет и до Чыбагалаха надо, наверно, идти еще целый месяц. Расстояние на местности значительно больше измеренного по карте, потому что мы не идем прямо, а делаем большой крюк к востоку по изгибам горной реки.

Переночевав еще одну ночь у эвенов, мы уходим через покрытые травой низкие горы на восток и незаметно переваливаем в верховья реки Брюнгаде, принадлежащей уже к бассейну Индигирки.

23 июля, после двух дней пути по широким долинам вдоль реки Брюнгаде, мы подходим к большой горной цепи, параллельной Главной. Цепь эта, которую я назвал Брюнгадинской, круто обрывается на юго-запад, ниже Главной, и на ней лежат только редкие пятна снега. Долина реки Брюнгаде, пересекая горную цепь, суживается, загромождена моренами древнего ледника, и то справа, то слева к ней подступают крутые обрывы.

На следующий день с утра, чтобы обойти утесы, нам приходится переходить несколько раз реку вброд. Перед этим два дня шел дождь, и Брюнгаде, довольно значительная река даже в сухое время, сильно вздулась. На втором броде последних лошадей в связках течение сдергивает вниз, и они едва добираются до берега. Третий брод страшен: мутная серая масса воды мчится бешеным потоком. Николай уже не решается искать брода, и вперед едет попутчик-эвен, который вместе с другим эвеном, якутом и якуткой вчера присоединились к нашему каравану. Эвен храбро гонит лошадь; вскоре она вся скрывается под водой и плывет, высунив голову и пофыркивая; всадник на своем высоком седле поднимает колени к подбородку. Доплыв до того берега, он возвращается обратно, но менее благополучно: поток срывает с седла переметные сумы, и они, как пара огромных пузырей, мчатся вниз по течению. Эвены и якуты уезжают вниз по реке в надежде, не прибьет ли сумы к берегу, а мы останавливаемся у брода. Я посылаю проводника вперед узнать, нельзя ли пройти этим берегом.

С вершины на левом берегу, на которую взбираемся мы с Протопоповым, открывается обширный вид на долину Брюнгаде и Брюнгадинскую цепь. Брюнгаде здесь стеснена в узкой долине, и древние ледники, спускавшиеся с Главной цепи, принуждены были, сливаясь, громоздиться в этом узком жерле, заполняя его.

К вечеру проводник нашел дорогу по левому берегу Брюнгаде, и мы идем следующий день по ней. Дальше нужно перевалить на север, в бассейн реки Эльги. Местность становится малоинтересной, горы еще высокие, но плоские. Селерикан, большой приток Эльги, вздувшийся от дождей, течет в сильно болотистой унылой долине. Николай дороги дальше не помнит, и караван наш блуждает по болотам и в чаще молодых лиственниц в поисках троп.

На следующий день, 28 июля, выясняется, что проводник уже окончательно не знает, куда идти. Неясные следы ведут вправо от долины Селерикана, и он уводит нас по ним. Взбираемся на перевал через правую цепь и видим на востоке широкую долину с большими лугами и по дальнему ее краю в вечерней дымке плесы большой реки. Это Индигирка.

С волнением смотрю я с перевала. Река, по которой никто не проплывал! Совершенно неизвестная область, куда действительно не ступала нога исследователя. Таинственная Индигирка, которая вдруг превратилась из географического названия в действительность, из тонкой черной полоски на карте – в большую, полноводную реку.

В ветке по Индигирке

9 июля мы спустились к райским пастбищам – в широкую здесь долину Индигирки. Слева в нее впадает река Эльги, и берега ее покрыты пышными лугами с перелесками. Даже лиственница, дерево несколько мрачное, кажется на фоне лугов более нежным. Лошади жадно зарывают морды в траву: на последней стоянке в лесу под перевалом им не пришлось особенно много пировать.

Идем наугад на север. Через несколько километров на лужайке попадаете пустая юрта, по-видимому, зимник. Все повеселели, ведь мы миновали Верхоянский хребет и мрачные предсказания крест-хальджайцев не оправдались: у нас только одна лошадь хромает.

Вскоре находим другую, обитаемую юрту. Якуты со страхом и изумлением глядят вслед нашему каравану: столько выючных лошадей здесь никогда не видали.

Встречаются табунки необыкновенно жирных лошадей; поглядев издали на наш караван, они испуганно убегают, вскидывая толстыми задами.

Минуем еще две юрты – Петра Слепцова и Петра Атласова, с которыми в дальнейшем нам придется еще встречаться.

Первого нет дома, а Петр Атласов провожает нас к берегу Эльги, к месту переправы. К устью, где нам хотелось определить астрономический пункт, подойти нельзя: там протоки и острова, поросшие лесом. Придется стать здесь. Атласов ничего не знает про дорогу на Чыбагалах. И немудрено: он бедняк, у него всего три коровы и ни одной лошади. Бедные якуты в те времена далеко не ездили – незачем (разве наймутся в работники к богачу гонять оленей с грузом); Атласов ездил только в Тарын-Юрях – селение в 50 километрах по Индигирке.

Вечером приходит Петр Слепцов, человек более богатый и самоуверенный. Приносит нам «кэси» – гостинец, который всякий гостеприимный хозяин обычно дает гостю, при этом всегда рассчитывая получить что-нибудь в обмен. «Кэси» Слепцова – это туяс молока и утки, за них я даю ему яркий бумажный платок. Разговор, как всегда, затягивается и не скоро доходит до интересующих нас вопросов.

- Есть ли отсюда дорога на Чыбагалах?
- Люди ездят из Тюбеляха, прямо никто не ездил.
- А как далеко до Тюбеляха?
- Кёсов сорок.
- А оттуда до Чыбагалаха?
- Не знаю, однако далеко, еще дальше.
- Не слышал, где мука и масло, которые из Оймякона исполком повез для нас в Чыбагалах?
- Как же, слышал. Ваш груз месяц назад Мичика в Тюбелях на плоту плавил.
- А в Чыбагалах потом повезли?
- Нет. Люди говорят, в Тюбеляхе оставили.
- Можешь нас повести по Индигирке в Тюбелях с выючными лошадьми?
- По Индигирке в Тюбелях только на лодке плавают – там ущелье, река глубокая, быстрая, много протоков, островов. На лошадях кругом надо ехать.
- Как кругом?
- Через горы, по левую сторону.
- Что, это трудная дорога?
- Трудная: камня много, горы высокие, корм плохой.
- Через Тарын-Юрях пройдем?
- Нет, Тарын-Юрях на том берегу, останется в стороне, кёсах в пяти.

После долгих переговоров Слепцов соглашается провести караван в Тубелях, если ему дадут шесть пудов муки.

Наш проект – съездить в Оймякон или Тарын-Юрях, прежде чем уходить к Чыбагалаху, и принять меры к организации зимнего каравана для возвращения в Якутию – оказался неисполнимым. В Тарын-Юряхской фактории сейчас никого нет, и она закрыта. А до Оймякона, улусного центра, далеко – около 150 километров, и поездка туда и обратно займет не менее десяти дней. К тому же там, как говорят, никого из нужных нам членов исполкома нет. Мы только зря потеряем драгоценное время.

Поэтому, если мы хотим попасть в Чыбагалах, надо рискнуть идти вниз по Индигирке, пока не думая об обратном пути. Мы должны очень спешить: половина лета прошла, а конечная цель, Чыбагалах, оказывается, все еще очень далеко; сколько до него от Тубелях, здесь не знают, и прямой дороги отсюда нет.

Утром я отправляю Михаила Перетолчина посмотреть, нет ли где сухостойного леса возле реки, чтобы сделать плот. Мне очень хочется исследовать Индигирку, проплыть по ней и вместе с тем дать отдых лошадям. Если весь груз мы отправим на плоту, лошади, идя порожняком в Тубелях, немного отдохнут. Михаил возвращается весь расцарапанный, изъеденный комарами, проклиная протоки, Индигирку и лес. Он выяснил, что сухой лес расположен далеко от реки или на непроходимых протоках и доставлять его к Индигирке слишком долго.

В конце концов удастся уговорить Петра Слепцова продать маленькую ветку и дать нам напрокат другую, побольше.

Большая ветка спрятана у Слепцова в кустах, и ее нам привозят на санях, запряженных быком. На Индигирке тогда еще не знали колесных экипажей, да они и непригодны на болотах; и летом и зимой здесь возили на санях сено, дрова, воду. Запрягали только быков, считая, что они сильнее. Некоторые якуты и выходцы из Лено-Алданского района иногда запрягали лошадей, но эта необыкновенная в здешних местах запряжка повергала местных якутов в изумление.

С устья Эльги я отправил обратно в Крест-Хальджай проводника Николая, который дальше уже не знал дороги.

1 августа наша экспедиция разделилась на две партии. Караван под начальством Протопопова переправился через глубокую Эльги, чтобы идти в Тубелях через горы. Я с Салищевым и Кононом – якутом, исполняющим обязанности рабочего и переводчика, решили плыть втроем на двух ветках: я в маленькой, а мои спутники в большой. Но и большая лодочка так мала, что приходится привязать по бокам два бревна, чтобы она могла поднять двоих.

Для багажа мы берем на буксире нашу брезентовую складную лодку. В нее погружаем палатку, постели, продовольствие, астрономические инструменты.

В мою лодку беру только плащ и маленькие сумки для камней. Гребем мы легкими двухлопастными веслами, вытесанными из тонкого ствола лиственницы.

Предстоящий путь по Индигирке гораздо интереснее, чем через Верхоянский хребет. О строении хребта мы знали по краткому отчету Черского, а все сведения об Индигирке ограничивались лишь несколькими строками расспросных данных, помещенных в старой сводке географа Майделя. Майдель писал: «В то время как до впадения Нелькана верховье Индигирки с его многочисленными притоками течет по широкой, лишь местами прорезанной горными цепями равнине, с этого места прибрежный ландшафт совершенно изменяется. Левый берег горист почти до места впадения Селегняха, а правый низмен и болотист». И Майдель приводит рассказы об «ужасных болотах» правого берега Индигирки. Так было показано и на картах – низменность по правому берегу Индигирки с севера почти до самой Оймяконской впадины и по ее левому берегу дикий хребет Кех-Тас, отделенный от Индигирки большой рекой Сюрюктах-Арга.

Пускаясь вниз по Индигирке, я не надеялся встретить даже камни, не говоря уже об утесах, — где уж тут, когда берег низмен и болотист, — и я завидовал группе Протопопова, которая сделает интересное пересечение отрогов Кех-Таса.

Но плавание по Индигирке принесло много неожиданностей. Прежде всего река оказалась гораздо более мощной и быстрой, чем мы предполагали.

Как только мы выплыли из лабиринта островов, лежащих у устья Эльги, мы увидели широкую реку, несущую свои воды с бешеной скоростью. Мне в моей легкой лодочке было нетрудно переходить из протоки в протоку и приставать к утесам, но мои спутники скоро оказались в тяжелом положении: ветка с двумя бревнами да еще с брезентовой лодкой на буксире оказалась неповоротливой. Чтобы догрести от одного берега к другому, приходилось долго работать веслами, а за это время лодки уносило на много километров вниз. Поэтому нам сразу пришлось разделиться: я приставал к утесам и производил наблюдения, а Салищев плыл дальше и ждал меня через каждые 10–20 километров.

Моя лодочка была так мала, что, когда я ложился, мое тело заполняло ее целиком, и так неустойчива, что обернуться назад в ней нельзя, можно только слегка повернуть голову. Чтобы посмотреть назад, надо обязательно повернуть всю лодку.

Немного жутко плыть в такой скорлупке одному по большой реке. Лодка вздымается на плоских волнах стремнины и вертится в многочисленных водоворотах. Из всех рек, которые мне приходилось проплывать, Индигирка самая мрачная и страшная по своей мощи и стремительности.

Вскоре мы убеждаемся, как неверны сведения, собранные Майделем в низовьях Индигирки от местных жителей, вероятно никогда не ездивших сюда.

Покрытые лесом горы начинаются по обоим берегам от самого устья Эльги, а у Нелькана (реки, впадающей ниже Тарын-Юряха) на правом берегу вместо предполагаемой низменности поднимаются громадные темные горы с пятнами снега на вершинах, частью закрытых тучами.

На следующий день высокий горный хребет появляется и на левом берегу реки. У устья Неры, большого правого притока Индигирки, черные, голые, еще более высокие горы, покрытые обильными снегами. В виде зубчатых стен по гребням и вершинам выступают жилы гранита, придающие горам еще более мрачный и фантастический вид.

За Нерой долина Индигирки сразу суживается, течение все более и более ускоряется. С обеих сторон большие утесы и горы, покрытые облаками. Уже несколько дней идет дождь. Для первой ночевки приходится ставить палатку на узкой полосе галечника: каменистый склон слишком крут и на него не взберешься. К вечеру мы с ужасом убеждаемся, что вода необыкновенно быстро поднимается, река буквально вздувается. За час подъем воды достигает 10 сантиметров, а до нашей палатки от воды всего три четверти метра. Ночь проходит тревожно, я много раз выглядываю из палатки и вижу, что вода поднимается все выше и выше. В шесть часов утра приходится сняться с лагеря: вся площадка залита и вода уже лижет вход в палатку.

В течение следующих 10 дней вода в Индигирке упала так же быстро, как поднималась. Еще день плавания по бешеной реке, на быстрине скорость доходит уже до 15 километров в час. Возле утесов плыть опасно: вода с силой бьет в них и от выступов идут гребни валов. Но мне надо держаться возле самых утесов, чтобы их изучать. Работа требует большого напряжения: нужно одновременно править веткой, глядеть на утес, зарисовывать складки пластов, записывать, фотографировать. Как назло, много интересных складок, а чуть положишь весло — ветку в водовороте поворачивает и наносит боком на вал под утесом. А если захлестнет волна, скорлупка тотчас потонет. При таком стремительном движении вдоль утесов надо еще уловить момент, чтобы пристать, — нельзя же проезжать мимо утеса, не осмотрев его. И вот смотришь, нет ли у подножия утеса камня, за которым затишье, и на быстром ходу круто подворачиваешь к берегу, стараясь, чтобы нос лодки попал как раз за камень, иначе снесет или опрокинет.

К вечеру проплываем устье Ольчана, за ним утесы становятся еще грознее. Одна за другой три воющих и шипящих стены проносятся мимо меня. Но вот река мчит прямо на отвесные скалы четвертого утеса, которые острыми зубцами разрезают воду, ревущую и пенящуюся в больших валах. Работая изо всех сил веслом, едва ухожу от страшного утеса, и еще не успевает мелькнуть мысль: «А что случилось здесь с грузовыми лодками?» – как вижу их у берега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.